

Прокофьева Е.Д. Костюм селькупского (остяко-самоедского) шамана // Сб. МАЭ. Т. XI. М.; Л., 1949.

Прокофьева Е.Д. Некоторые религиозные культы тазовских селькупов // Сб. МАЭ, Т. XXXIII. Л., 1977.

Прокофьева Е.Д. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976.

Третьяков П. Туруханский край // Записки ИРГО по общей географии. СПб., 1869. Т. 2.

Тучкова Н.А. Селькупы реки Парабели (этнографический очерк) // Тр. ТГОИАМ. Т. XI. Томск, 1996.

Ураев Р.А. Материалы к шаманизму тымских селькупов (по данным экспедиции 1956г.) // Тр. ТГОИАМ. Т. VII. Томск, 1994.

В.Г. Узунова

РОЛЬ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ НА БАЗЕ МАЭ РАН ДЛЯ СТАНОВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ СТУДЕНТОВ

Опыт преподавания курса этносоциологии для студентов-этнографов исторического факультета СПб ГУ и их участие в конкретных социологических исследованиях на базе МАЭ РАН сделали предметом нашего изучения фигуру студента-этнографа. Коммуникативные трудности в работе студентов с посетителями музея заставили нас задуматься о том, каким видит себя (описывает, проговаривает, осмысливает) сам студент и какие последствия для практической деятельности имеет подвижность его самовосприятия.

Результатом специального социологического изучения студенческой аудитории явилось представление о наличии двух системобразующих признаков, обозначенных нами как «демонстративность» и «дистанцированность». Их наличие осмыслено нами как результат действия алгоритма культурного присвоения (воспитания и образования). Универсальное действие этого механизма тиражируется на всех уровнях социального действия и взаимодействия.

Нас интересовала роль музея в процессе присвоения специфических ценностей городского образа жизни. Городское воспитание — это воспитание коммуникабельной личности, включенной в сеть связей и поддержек своего круга общения. Нами была выделена и описана многопрофильная ориентация на присвоение специфических для мегаполиса ценностей, которые в совокупности составляют «петербургский стиль» поведения. Был выделен целый ряд проблем более широкого круга, в центре которого обозначилась принципиальная позиция, основанная на специфике осмысления студентами такого фундаментального для гуманитарного образования понятия, как «культура».

На студенческой аудитории был проверен алгоритм присвоения городской культуры: «демонстративность», «дистанцированность», «культурный кроссинг».

При выяснении позиции различения студентами представлений о культуре «вообще» и конкретных ценностей городской петербургской культуры мы ввели понятие «культурного кроссинга», характеризующего воспитание, которое преследует цель разделения пересекающихся в городском информационном пространстве культурных потоков.

Установки на воспитание детей в семьях, сохраняющих национальную ориентацию (армяне, евреи, татары, азербайджанцы и др.). Установки на воспитание детей в семьях, ориентированных на обязательное получение высшего образования. Установки на воспитание детей в семьях, ориентированных на привилегированное положение в обществе. Установки на воспитание детей в семьях, ориентированных на отъезд из города, страны. Установки на воспитание детей в семьях, ориентированных на получение специального художественного образования (музыканты, художники, артисты).

Модель межпоколенной передачи культуры (воспитание), имея глубинные истоки происхождения, по сути современного предъявления себя очень проста: человек должен занять место в предполагаемом для него родителями сообществе. Это означает, что подростку должны быть переданы навыки предъявления себя в своей отличительности (демонстративности) и навыки охранения своей самостоятельности (дистанцированности).

В этой связи может быть уместным сравнение моделей воспитания послевоенного поколения, на котором в значительной большей мере, чем теперь сказались условия социальной уравнительности. Если грань различия по культурному уровню между крупным городом, провинциальным городом и деревней была отчетливо обозначена, то в культурной среде Ленинграда дифференциация была значительно меньшей, чем теперь.

Проблема выбора продвижения по социальным маршрутам ложится на семью и/или случай (стечение обстоятельств). В городской среде вероятность случайностей разного порядка слишком высока. Поэтому столь велико значение «кругов общения». Выбору и вхождению в эти круги общения в значительной мере и подчинено городское воспитание.

Один из наиболее распространенных маршрутов «культурного кроссинга» построен на убеждении, что культура в городе локализована в определенных местах — в вузах, библиотеках, лекториях, театрах и музеях. Воспитанный пиетет перед культурой тесно связан с пиететом перед наукой. Имея подобную установку, сту-

дент при возникновении любого рода проблем формулирует поисковую стратегию решения как нехватку и необходимость получения дополнительной информации. Культура для него — это неисчерпаемое информационное пространство, относительно которого сам он — владелец «доли» общего культурного накопления. Отсюда принятие «просвещенческой» парадигмы формирования и развития человека, которая предписывает «энциклопедизм» как эталон информационного владения.

Высокая Культура никогда не вступает в диалог, что подразумевает существование профессионального клана «жрецов и хранителей» Культуры, а Музей превращает в Храм, который взаимодействует только с адептами. Культура через музей осуществляет свое присутствие — указывает на то именно, что она ценит, что она выделяет и отбирает, что именно Культура маркирует как особо значимое. Едва ли не помимо воли человека Культура сама принимает решения, сама себе присваивает социальную роль «верховного оценщика». Музей осуществляет принцип указательности Культуры — принудительного ценностного ориентирования.

Культура пытается уговорить, объяснить, подчинить своей логике. И в этой своей логике принудительной рациональной доказательности она осуществляет скрытое насилие. Музей тоже маркирует посетителей: те, кто согласны (солидарны) с продиктованным им восприятием, — посвященные и просвещенные («культурные»), кто не согласен — профаны.

Студент по своему статусу не приемлет маркировки себя как профана, но и осознает, что он еще не принадлежит клану профессионалов. Это маргинальная позиция внушает ему чувство повышенной тревожности. Его экзистенциальное самочувствие колеблется в навязанном диапазоне выбора между «культурным человеком» (прогнозируемым) и человеком «не заполненным культурой», (непредсказуемым), а в своей оценке — не самодостаточным.

Студенты-гуманитарии склонны обращаться к научному знанию за объяснением явных и скрытых механизмов социального влияния на индивидуальную биографию. Их конформизм и неконформизм одинаково ищут оправдания в научном знании.

В поле гуманитарного знания возникновение этической проблематики неизбежно, поэтому правильное упреждение ее разработку, чем позволить ей скрываться за информационной завесой чисто профессиональных сведений. Рассмотрение этих проблем в рамках дискуссий на теоретических занятиях дают определенный эффект. Но большая эффективность работы студента с компьютером может быть объяснена отсутствием давления со стороны коллектива и групповых лидеров, что является более предпочтительным условием при осмыслении проблем этического выбора.

Студентов, которые понимают себя не только как носители исторического знания, но и как представителей современности, волнуют проблемы традиции в обучении. Далеко не все из них критически относятся к «консерватизму» в научной сфере, разделяя убеждение, что самоустраненность научного сословия от острых политических проблем позволяет сохранять позицию неангажированности. Но «консерватизм» музея рассматривается студентами значительно менее благодушно. Описание технического совершенства музеев других стран захватывает их воображение. От этой темы сравнения уровней музейного экспонирования студенты легко и почти неизбежно переходят на обсуждение тем «государство — культура — образование — наука — музей — воспитание».

Общая неудовлетворенность «качеством» жизни порождает у студентов сомнения в «качестве» отечественной культуры. Представления студентов о профессиональной самореализации в области научной и культурной деятельности предполагают не только высокий уровень образованности и самосознания, но и сопротивление «скрытому культурному насилию, в частности воплощенному в требовании принятия/подчинения обстоятельствам». Отказываясь от «просвещенческой» парадигмы, в которой воспитано поколение их учителей, студенты сочувственно относятся к любым формам «культурного бунтарства». Можно сказать, что студенты-гуманитарии обнаружили присутствие насилия в самой культуре, которое скрыто в технике воспитания.

Работа со студентами в процессе преподавания помогла расширить возможности интерпретации результатов, полученных в процессе социологических исследований. Глубина понимания трудностей гуманитарного обучения заставила нас переосмыслить некоторые традиционные методики преподавания культурологии и обратиться к поиску дополнительных возможностей компьютерной техники.

Говорить об образовании культурологов с помощью компьютерных технологий нельзя без понимания того, что они ищут и находят в Интернете. Интернет допускает эксперименты с демонстративностью и дистанцированностью. Вхождение студентов в Интернет-пространство — это вхождение в дружественную среду, свободную от надзора и конкуренции. Принципиальный интерес обретают возможности выхода за пределы своих реальных возможностей — «выход из собственной данности» как опыт расширения себя, своей ограниченности временем и территорией.

Не случайно максимальный отклик и в реальном музее у посетителей находят рассказы о пограничных ситуациях, ставящих существование человека на грань жизнь/смерть. Неисчерпаемость

человеческих ресурсов в борьбе за существования в разных условиях — темы максимального интереса посетителей музея.

Музей демонстрирует, а посетитель музея может участвовать в его демонстрации, подключив воображение. Музей заинтересован в работе воображения, но посетитель может оказать сопротивление этой нацеленности на его познавательную активность. Студент-культуролог не может ни демонстрировать себя, ни дистанцироваться от нажима музея — он добровольный пленник процесса обучения.

Музей в городском пространстве присутствует демонстративно — это то, что надо осматривать, что государство охраняет как национальное достояние. Его демонстративность в городе — символ ценного и вечного. Музей хранит транстемпоральность — то, что дольше жизни каждого человека.

Иная демонстративность МАЭ РАН для студентов — это профессионально закрепляемая память о простом, ежедневном, обыденном — о цикличности времени, о том, с чем экзистенциально легко смыкается любой человек. Обучение профессионалов ставит цель овладения ими языками декодировки сложного в простое, принципами объяснения непонятого через осязаемое и переживаемое в современности.

Обучение должно отвечать задачам скорее сущностного формирования студентов, чем формирования профессионального. При этом важно уловить запросы студентов к самой действительности (в формулировках, соответствующих их возрасту и стилю их воспитания), не поощряя инфантильных представлений о том, что, став профессионалами, они смогут укрыться в нише академической науки от социальных проблем.

Е.Н. Успенская

К ВОПРОСУ О «КОНСТРУИРОВАНИИ» ИНДИЙСКОЙ КАСТОВОЙ СИСТЕМЫ

В индологической науке положение о том, что сообщество индустов основано на касте, уже более ста лет считается непреложной истиной. Однако к 1970-х гг. и в самой Индии, и за рубежом накопилось заметное количество работ, в которых специалисты подвергали критике считавшиеся хрестоматийными теоретические заключения своих предшественников, обвиняя тех в массивном преувеличении значения касты. Некоторые зашли так далеко, что усомнились в самом существовании кастовой системы.